

Бай Кэ подумал: «Врождённый топографический кретинизм — даже если посмотрел, всё равно не запомнишь».

Пока Бай Кэ немного беспокоился, Цзюньсяо снова достал откуда-то очень маленький колокольчик и, наклонившись к нему, сказал:

— Носи этот колокольчик с собой. Если вдруг заблудишься или попадёшь в опасность, а меня не будет, зажми его между указательным и средним пальцами и потряси три раза. Арахис найдёт тебя, и обычные люди не услышат звук этого колокольчика.

Обычные люди?

Бай Кэ машинально потряс колокольчик один раз, и в его ушах раздался звонкий «дин».

— ...

Разве не говорили, что обычные люди не слышат?

Он ещё не успел спросить, как почувствовал, что над ним нависла огромная тень. Тёплая и пушистая морда Арахиса уже уткнулась в него, тихо поскуливая.

Цзюньсяо молча наблюдал за его действиями. Увидев удивлённое лицо Бай Кэ после звонка, он с лёгкой грустью в голосе объяснил:

— Ты его хозяин, поэтому и слышишь.

Бай Кэ кивнул, принимая его объяснение.

Цзюньсяо взял его руку, провёл маленьким колокольчиком по коричнево-чёрному браслету из деревянных бусин, и когда Бай Кэ убрал руку, колокольчик оказался нанизан на браслет. При движении руки он издавал едва слышный звон.

Хотя Бай Кэ знал, что другие не слышат этот звук, он всё равно чувствовал себя немного как кошка или собака с колокольчиком.

Он уже собирался спросить, нельзя ли носить колокольчик как-то иначе, как вдруг раздался похожий на звук пустого бамбука гул. Звук был негромким, но очень притягательным.

— Что это? — спросил Бай Кэ, который был очень чувствителен к звукам. Этот гул словно подталкивал к действию, вызывая лёгкое напряжение.

Он посмотрел в направлении звука и заметил, что на изогнутом карнизе простого дома висела тонкая нить. Если бы Бай Кэ не видел всё иначе, чем обычные люди, он бы её и не заметил.

Эта тонкая, но слегка светящаяся нить начиналась на углу карниза и заканчивалась шестиугольным предметом размером с кулак, с шестью отверстиями, который слегка дрожал. Именно он издавал этот гул. Другой конец нити тянулся далеко в чистое небо, пока не исчезал из виду.

— Это зеркальный сюнь, — сказал Цзюньсяо, щёлкнув пальцем по воздуху, и предмет замолчал. Он поднял Бай Цзысюя со спины Арахиса и махнул рукавом, чтобы сбросить Линь Цзе. Затем он указал на рощу облачного бамбука за домом, окутанную лёгким туманом. — Отсюда можно вернуться в Врата Хэнтянь. Я наложил заклятие во дворе, и зеркальный сюнь звонит, когда кто-то собирается войти.

Бай Кэ посмотрел на всё ещё спящего Бай Цзысюя и спросил:

— Мой отец...

— Он останется здесь, пока не проснётся. Завтра в час Мао я буду ждать вас у входа в тайную сферу.

С этими словами Цзюньсяо махнул рукой, и Бай Кэ с Линь Цзе почувствовали, как сзади подул ветер. Они оказались в тумане, а когда открыли глаза, перед ними была комната Линь Цзе в Вратах Хэнтянь. Едва они встали, как во дворе раздались шаги, и в дверь постучали. Молодой мужской голос произнёс:

— Линь-шиди, я принёс духовную пилюлю для нового ученика.

Линь Цзе ответил и поспешил открыть дверь, заодно взглянув на небо.

В тайной сфере было ясно, но здесь уже наступали сумерки. Видимо, время в сфере и в мире различалось, и неизвестно, насколько.

— Линь-шиди, о чём вы там шептались за закрытой дверью? — спросил вошедший.

Он был одет в такую же одежду, как Линь Цзе, но с фиолетовой отделкой на краях и фиолетовой лентой в волосах. У него была светлая кожа, и черты лица были довольно приятными, но уголки глаз слегка приподнимались, придавая его выражению высокомерный вид. Его тон в разговоре с Линь Цзе был снисходительным, что вызывало дискомфорт.

— Цинь-шисюн, — Линь Цзе слегка поклонился, не отвечая на его бессмысленный вопрос, и посмотрел на маленькую белоснежную бутылочку в его руке. — Это духовная пилюля?

— Да, — кивнул тот, но не собирался передавать её Линь Цзе. Он оглядел комнату, переступил порог и подошёл к Бай Кэ, который стоял у стола, притворяясь слепым. — Ты и есть новый ученик нашей школы?

Бай Кэ с недоумением посмотрел на него, не понимая, зачем перед слепым человеком принимать позы.

Но за последние пару дней он уже насмотрелся на разных сумасшедших, и ещё один чудак его не удивил. Он кивнул и коротко ответил:

— Да.

Цинь Хэ не был доволен его реакцией и поднял подбородок ещё выше:

— Хм. Я — Цинь Хэ, удостоился чести быть учеником настоятеля нашей школы. Ты можешь называть меня шисюн.

— Шисюн, — Бай Кэ спокойно назвал его, но в его голосе явно звучало пренебрежение.

— ... — Цинь Хэ смотрел на него с гневом и наконец холодно сказал. — Ни капли мастерства, а гордости хоть отбавляй! Разве так ведёт себя шиди, когда шисюн представляется? Ты даже имени своего не назвал! Эта духовная пилюля в моих руках, если не хочешь её, так и скажи, что за отношение?

Бай Кэ кивнул:

— Хорошо.

Цинь Хэ:

— ... Чёрт!

Видя, что тот действительно злится, Бай Кэ наконец кратко представился:

— Бай Кэ.

— Я так и думал, что ты не посмеешь быть таким наглым, — Цинь Хэ нашёл выход и тут же воспользовался им. Он держал маленькую бутылочку двумя пальцами, осматривая Бай Кэ с ног до головы, и остановился на его закрытых глазах. — Значит, ты действительно слепой. Почему всё время закрываешь глаза? Они тоже деформировались, как у многих слепых?

— Шисюн! — Линь Цзе не выдержал и вмешался.

Он уже собирался продолжить, но Бай Кэ, казалось, вообще не обращал на это внимания и спокойно ответил:

— Да, деформировались. Уже не могу их открыть.

Цинь Хэ, получив такой ответ, хотел сказать что-то колкое, чтобы задеть его, но эффект был обратным. Это было как ударить кулаком в пустоту, и он чувствовал себя ещё более раздражённым.

Он был примерно того же возраста, что и Бай Кэ, но имел высокомерный характер и незрелую психику. После нескольких фраз Бай Кэ он покраснел от злости и, с трудом сдерживаясь, снова холодно улыбнулся и потряс бутылочкой:

— Я вижу, Бай Кэ-шиди, твои способности и корни не особо выдающиеся. Просто твоё рождение совпало с требованиями учителя. Не думай, что если тебе каждый день дают духовную пилюлю, ты можешь вести себя высокомерно! В Вратах Хэнтянь полно учеников с выдающимися способностями, подумай хорошенько.

Бай Кэ смотрел на него с лёгким сожалением, думая: «Оказывается, настоятель каждый день даёт мне духовную пилюлю, и это вызывает зависть у учеников».

Он представил, как маленький щенок с криками борется за молоко.

Но если бы этот недалёкий шисюн знал, для чего нужна эта пилюля, он бы, наверное, сразу с плачем убежал.

Линь Цзе тоже понял его намёк. Он много лет был в школе и не раз сталкивался с насмешками и издевательствами со стороны старших учеников. Видя, как этот высокомерный шисюн страдает, он почувствовал смесь забавы и удовлетворения. Но он всё же был слабее их в мастерстве, и не стоило их провоцировать, поэтому он постарался смягчить ситуацию:

— Цинь-шисюн, эта духовная пилюля на самом деле даётся Бай Кэ для лечения глаз, а не для повышения мастерства. Не принимай это близко к сердцу.